

**Чтобы зло восторжествовало,
нужно только одно: чтобы добрые
люди бездействовали.**

Эдмунд Берк (1729-1797)

Маленький самолет разорвал серые грозовые облака, и Грегуар заметил вдали крыши Герэ. Как только шасси коснулись посадочной полосы, молния расколола небо, словно фарфор, заставив молодого человека вздрогнуть.

Стояло жаркое лето, самая середина июля. Каждый раз, возвращаясь домой, в Крез, Грегуар волновался, зная, что ему предстоит встреча с отцом, который будет его ждать, по-праздничному одетый и немного смущенный, в обществе редких туристов, бизнесменов и чиновников, прибывших в основном из Парижа и соблаговоливших появиться в этом скромном провинциальном аэропорту.

Когда стюардесса объявила начало посадки, Грегуар поспешил снять галстук. Молодой человек прибыл сегодня из Лондона рано утром, сразу же прыгнул в такси, идущее в аэропорт Орли, поэтому у него совсем не было времени переодеться. Грегуару было от силы лет тридцать; он был похож на этих бизнесменов из лондонского Сити, которые, казалось, появлялись на свет уже в костюме-тройке, мрачные, строгие и с такой осанкой, словно проглотили зонтик. Чтобы не шокировать отца, молодой человек решил снять свой шелковый галстук. Это было единственной уступкой пожилому крестьянину, выезд которого за пределы фермы ограничивался обязательным визитом к врачу и воскресной поездкой на ярмарку в Гудзон для поиска подержанных машин или

бесконечного обсуждения снижения цен на ячмень для пивоварен.

Долгие годы многие поколения семьи Батай возделывали землю, испытывая при этом такое ощущение, будто не они используют землю, а земля их. Из года в год, трудом и терпением добились они того, что исходные восемь гектаров каменистой земли, пригодной лишь для выпаса тощих коров, разрослись до сотни, а это много значило для региона, где все подчинялось правилам минимализма.

Род Грегуара долгое время жил ремеслом. Одни предки были мастерами шпалер в Обюссоне. Другие принадлежали к тем выносливым и ловким каменщикам Креза, которые строили подземные переходы и туннели, замки сеньоров древней провинции Марш и даже некоторые прекрасные здания Парижа.

Но начиная с семидесятых годов XIX века один представитель рода Батай приобрел несколько гектаров земли и обосновался неподалеку от Герэ. С тех пор эти люди сражались своими острыми, словно разбитое стекло, ногтями с каменистым полем, с плугом и коровами, с трескучими морозами и летней духотой этого региона Франции.

Грегуар чувствовал это родство и, вспоминая о нем, ощущал легкий холодок в груди. Глядя в иллюминатор, молодой человек вспоминал о прошлом. На этой земле он вырос и любил ее, как любят сожаление. Но он покинул этот край, избрав профессию, связанную с деньгами, финансами, международными сделками, которые заключаются там, где даже издалека не видно ни тени пшеничного колоска, ни коровы, невозмутимо шагающей в свой хлев.

После смерти матери, в двенадцать лет, Грегуара отдали в интернат в Лиможе, поскольку все решили, что отец не сможет заниматься этим мальчишкой, постоянно погруженным в книги и бледным, словно цветок вишни весной. Его трое братьев пошли в отца, коренастые и молчаливые, как все Батаи. Они считали разговоры пустой тратой времени — ведь в поле столько работы!

Люсьен, старший, помогал отцу с девяти лет — ему было двадцать, когда умерла мать. Дану, второй сын, закончил аграрный лицей, и именно он занялся разведением коров в хозяйстве. Производство молока было очень выгодным делом. В восьмидесятые годы цены на него так выросли, что ферма семьи Батай начала процветать. Жиль, третий сын, перестроил и обновил несколько зданий на ферме и занимался хозяйством со своей женой Луизой, португалкой из Лиссабона.

Отец семейства Батай втайне надеялся, что Грегуар примет активное участие в управлении имением, опираясь на свои знания, полученные в университете Лиможа, а затем и Парижа, в которых, благодаря своей скорости счета и логическому мышлению, считался одним из лучших студентов. Грегуар же мечтал о другом, и ферма отца в его планах не фигурировала. Поэтому, когда он получил свою первую работу в «Rating & Business», вся семья восприняла его решение как предательство. Прошло уже два года, но его выбор осуждался до сих пор при каждом удобном случае — не словами, ведь, как уже было сказано, Батай молчали, — а взглядами, которые не нуждались в комментариях.

Как и обычно, в небольшом зале ожидания аэропорта отец стоял в стороне, показывая этим свое нежелание быть причастным к миру путешествующих. Его ноги крепко стояли на земле, на настиле для коров, как говорил он сам своим тягучим голосом, и только за огромные деньги он согласился бы сесть в одну из этих «летающих машин», которая однажды забрала у него сына.

— Ты надолго? — спросил он, обнимая свое дитя.

Грегуар Батай ощутил свежевыбритую щеку отца и почувствовал смешанный с запахом полей и ульев аромат туалетной воды, не менявшейся после смерти матери.

— Спорим, мое пребывание тебе не покажется долгим? — ответил Грегуар, в свою очередь крепко обнимая старого крестьянина.

Увидев небольшой багаж сына, состоящий из портфеля и маленькой матерчатой сумки, отец догадался, что он приехал ненадолго, и лицо старика стало хмурым.

— Дело в том, что мы с твоими братьями хотели тебе кое-что показать, — сказал Батай-старший.

— Я останусь на два дня. В субботу меня ждут в Лондоне. Я оставил ваш номер телефона на случай, если буду нужен в офисе.

Машина тронулась. Крестьянин ничего не ответил. На бирке багажа сына он прочитал: «Грег Батай». Он подумал о том странном мире, где такое красивое имя, как Грегуар, становилось Грег. Эта мания сокращать имена раздражала его — как, впрочем, и всё, что приходило из городской жизни и чему нужно было или поклоняться, или хотя бы безоговорочно принимать.

Молодой человек открыл окно, чтобы впустить запахи цветов и горьковатый аромат рапса, который покрыл поля золотом. Он наслаждался зрелищем молча, впрочем, никто и не произнес ни слова до самого Мутье, где за каштанами возвышалась ферма семьи Батай.

Месяц назад Грегуар разговаривал со своим братом Люсьеном по телефону о кредитах. Тот обронил фразу, что очень хотел бы видеть брата в Крезе, так как ему есть что показать. Голос Люсьена был таинственным, а речь полна недомолвок, как у большинства жителей деревни, которые остерегаются телефонных разговоров, предпочитая разговаривать с собеседником с глазу на глаз. Грегуар чувствовал, что дело не терпит отлагательства, но никак не мог освободиться раньше. На утро пятницы была назначена одна важная деловая встреча на поле для гольфа в Сен-Ном-ла-Бретеш под Парижем, поэтому он выехал из Лондона раньше, чтобы провести два дня на ферме.

Увидев въезжающую во двор машину, собака по привычке залаяла, а затем спряталась в будке с сердитым видом — как существо, которое зря побеспокоили. На встречу Грегуару вышли братья: сначала Люсьен, затем Дану. Они разогрели картофельный пирог, от которого молодой человек не смог отказаться.

Глядя на лица мужчин, Грегуар испытывал радость, смешанную с огорчением. Эти двое жили вместе вот уже сорок лет, и ни одна девушка не заставила биться их серд-

ца быстрее. Согласно местным обычаям, они не особо жаловались на свою холостую жизнь и даже находили в ней тысячу преимуществ, например возможность есть или пить в любое время и чувствовать себя свободными как ветер. Грегуар не хотел для себя такой свободы, видя в бороздах полей преграду более надежную, чем тюремная решетка.

У братьев — один был старше Грега на двенадцать, а другой на десять лет — стали сесть виски и появляться лысина. Время сделало их еще более похожими друг на друга, чем в детстве, — может, из-за того, что они дышали одним воздухом — таким холодным зимой и таким обжигающим летом.

Светловолосый Грегуар сильно выделялся среди клана Батаи. Он весь пошел в мать, городскую девушку, которую однажды на балу соблазнил его отец. Его круглое лицо, лукавый взгляд, светло-зеленые глаза — все это напоминало крестьянину его супругу, а братьям — скончавшуюся мать. Поэтому они всегда смотрели на Грегуара с благоговением и страхом, словно он был оставлен им как память о той, что слишком рано ушла в лучший мир.

— Ты надолго? — спросил старший брат, повторяя вопрос отца в аэропорту.

— Он здесь всего на два дня, — ответил за Грегуара старый крестьянин, и молодой человек почувствовал нотки раздражения в этом «всего на два дня».

— Этого достаточно, — произнес Люсьен, подмигнув младшему брату, словно говоря: «Ты ведь знаешь отца».

В глубине души все Батаи были рады увидеть друг друга. Когда к ним присоединился Жиль без своей жены Луизы, они словно вновь оказались в детстве, как будто ничего и не изменилось с тех пор, кроме кончины матери.

Все решили, что глоток отличной водки послужит прекрасным началом трапезы, которая закончится картофельным пирогом. Когда все основательно подкрепились, Люсьен попросил Грегуара надеть специальный комбинезон и сапоги, а затем повел его в святая святых фермы с очень таинственным видом, и таким медленным шагом, как будто от этого зависела вся их жизнь.

2

Братья взобрались на поросший деревьями холм, который пересекала выложенная камнями дорога, — им нужно было попасть в другую часть фермы, где находились загоны для животных.

Давно уже Грегуар не ходил по этим местам, где прошло его детство, когда он играл в жандармов и воров с мальчишками из городка, увлекая их на холм с таинственными тенями.

Молодой человек взял с собой мобильный телефон и положил его в боковой карман комбинезона. Братья Грегуара очень удивились, когда услышали птичий щебет, доносящийся из его кармана, и посмотрели на отца. Грег достал свой миниатюрный аппарат и заговорил на английском. Это тоже было неожиданностью для братьев — ведь об английском языке они знали только понаслышке, ну и благодаря инструкциям по эксплуатации тракторов, производитель которых «John Deere» упрямо давал рекомендации на своем родном языке.

После того как Грегуар закончил разговор по телефону, братья какое-то время молчали, будто внезапно осознали, какая пропасть их разделяет. Между ними и Грегуаром возник невидимый занавес, и предаваться общим воспоминаниям теперь было бы бессмысленно. Это неприятное ощущение преследовало их до самых ворот молочной фермы.

— Приготовься к тому, что здесь многое изменилось, — сказал наконец Люсьен, важно выпятив грудь в предвкушении того, как он утрет нос этому мальчишке, приехавшему из Англии в своем красивом костюме.

Сколько же Грегуар не приезжал на ферму? Последний раз это было почти полгода назад, к тому же у него тогда даже не было времени пообедать. Тогда молодой человек приехал повидать отца, который наконец-то оправился после серьезного перелома ноги. Шесть месяцев... Целая вечность для такого финансиста, как Грегуар, который за это время составил два внушительных досье о слиянии компаний Соединенных Штатов и Великобритании, съездил в Японию, чтобы изучить направления развития рынка этой страны, провел работу по поиску выгодных для приватизации предприятий в Польше.

Как в фешенебельных залах ожидания международных аэропортов, часы Грегуара всегда были настроены на временные пояса столиц мировых рынков, где каждый день служат мессу деньгам, — Лондона, Нью-Йорка, Токио, Сиднея. Это означало, что для Герэ и родного Креза, где его семья поколение за поколением продолжала заниматься земледелием, часового пояса вообще не существовало, а сам Грег находился на орбите, управляемой по финансовым законам, и у него не было ни малейшего желания прекращать свой путь.

Люсьен открыл дверь фермы театральным жестом — как фокусник, открывающий волшебный ящик. Все очутились в темноте и сразу ощутили воздух, пропитанный запахом животных. Машинально Грегуар успел зажать нос, но включенный свет представил глазам присутствующих невероятное зрелище. Руки Грега опустились, и он, совершенно пораженный, безмолвно стоял на пороге.

Там, где поколения семьи Батай разводили коров, которых дед, отец, а затем и сыновья звали по именам, доили, сидя на неуклюжем трехногом стуле и подставляя под тонкие струйки молока металлическое ведро, теперь стояло ультрасовременное оборудование.

Грегуар не верил своим глазам: кругом металл, резиновые насосы... Его семья продала ферму марсианам или, что более вероятно, кому-нибудь из голландских скотоводов, которые работают только с применением высоких технологий?

— А теперь надень вот это, — сказал Люсьен с насмешливой улыбкой, протягивая ослепительно белые халат и шапочку младшему брату.

Все смотрели на Грегуара с превосходством. Он всегда поражал их своими компьютерами, телефонами и путешествиями. И что ж! Это *их* ферма, их, крестьян из Креза, на которых он, пусть и не говоря об этом, всегда смотрел свысока, хоть их фамилия и кровь были его фамилией и кровью.

Люсьен повел за собой Грегуара, за ними двинулись Дану и Жиль. Процессию завершал отец семейства. Прежде чем войти в этот космический хлев, он не забыл потушить свою папироску из кукурузной бумаги. С безопасностью здесь не шутили.

— Это доильный аппарат, — объяснил старший из братьев Батай. — Он единственный во всем регионе и даже провинции.

— Так вот что значит та история с кредитом... — пробормотал Грегуар.

— Да, — с гордостью отозвался отец. — Ты видишь, мы выкрутились с помощью банка.

— Вижу.

— Все это работает очень просто, — продолжил Люсьен. — Можно сказать, что это самообслуживание для коровы. Почувствовав, что ее вымя наполнилось молоком, корова подходит к доильному аппарату, который автоматически приклеивается к вымени. Когда молоко заканчивается, резиновый насос отклеивается, и оно поступает в специальную бутылку, где хранится при определенной температуре.

— То, что вы сделали, неслыханно! — воскликнул Грегуар.

Впервые за сегодняшний день отец и братья расхохотались от души, а вслед за ними — и молодой финансист, можно сказать, разыгранный своими близкими.

— Вы уверены, что такое оборудование рентабельно? — спросил Грегуар, пытаясь все просчитать. — Ведь производительность наших коров...

— наших коров? — перебил отец. — Дело в том, что ты их еще не видел. Это не те коровы, которые были раньше.

Он знаком приказал Люсьену осветить другую часть хлева, пол которого был выслан специальным непромокаемым покрытием. У Грегуара вырвался еще один возглас удивления. Там, где раньше были обычные коровы, жизнь которых довольно быстро обрывалась на бойне, он обнаружил представителей породы холстейн — черно-белых, элитных производительниц «белого золота», как называли здесь свежее молоко, богатое жирами и натуральными витаминами.

— Холстейн! — вскрикнул Грегуар. — Наконец-то вы к этому пришли!

Все же не зря Грегуар пытался убедить отца и братьев, что успех дела зависит от выбора породы коров. И вот здесь, на ферме, которая, как он полагал, была обречена на вечное соблюдение традиций, произошла настоящая революция.

Молодой человек принялся считать коров и дошел до двенадцати, увидев, что стадо насчитывает еще примерно тридцать голов.

— Производительность значительно выросла, — уточнил Дану, который до этого не произнес ни слова. — И коровы без ума от доильного аппарата. Можно подумать, они с рождения знали, что это такое.

— И это еще не всё, — добавил Люсьен. — Благодаря квотам мы имеем гарантированные цены на молоко, которые превосходят реальную цену нашей продукции. Этой зимой мы получили право заниматься производством молока на фермах, которые были практически закрытыми. Наша общая квота с 50 тысяч литров в год выросла до 300 тысяч литров.

Грегуар с восхищением повторил эти цифры.

— Кто прекратил производство молока в округе? — спросил он.

— Клаво в Приере. И Ламиньеры — их отец вышел на пенсию и продал все, чтобы купить дом на берегу моря, в Атлантике. Его уже достало видеть нас каждый день, ну и своих коров, конечно.

— Ламиньеры? — задумчиво повторил Грегуар.

В его воображении всплыло лицо молодой женщины. В течение стольких лет он не думал о ней, и вот внезапно перед ним возник образ Летисии Ламиньер, младшей внучки старого Жоржа Ламиньера. В детстве ее звали просто Лала. Когда они были маленькими, то вместе играли и бегали по полям. Позже они флиртовали. Однажды ночью, после бала в честь четырнадцатого июля, они даже занимались любовью в одной из комнат заброшенной фермы перед отъездом Грегуара в Париж. После этого они видели друг друга несколько раз, но Летисия не осмеливалась приближаться к ферме семьи Батай с тех пор, как Грегуар стал зваться Грегом и носить костюмы, которых никогда не видели в деревне — разве что только в газете, на фотографиях префекта. Грегуар забыл Летисию, но понадобилось всего лишь произнести фамилию Ламиньер, чтобы он с удивлением почувствовал, что у него на глаза навернулись слезы.

Смутившись, молодой человек начал задавать вопросы о работе доильного аппарата, о безопасности механизма, о том, каким образом молоко попадает в центрифугу. На каждый из них он получал точные и ясные ответы, и каждое объяснение было для него как удар, как поучительный урок о скромности, преподнесенный ему собственной семьей, ему, считающему себя обладателем ценнейших знаний, которые приносят деньги, много денег.

— Мы станем самой известной фермой, — гордо объявил Люсьен. — Каждую неделю к нам приезжают со всего департамента и даже из других отдаленных мест. С нашим продуктом высшего качества мы выставим новые условия организациям по сбору молока.

— Ты мог бы заниматься политикой, — с улыбкой заметил Грегуар.

Его шутка разрядила атмосферу.

— Я очень горжусь вами, — произнес молодой человек, не зная, на ком остановить свой взгляд. — Очень горжусь.

— Пошли, парень, выпьем, и вовсе не молока, хоть этот напиток и хорош, — сказал отец, похлопав сына по спине.

До самого дома Грегуар ощущал руку отца, горячую и сильную, и это наполнило его таким счастьем, какого он себе и не представлял. Он действительно гордился тем, что носит фамилию Батай, и спрашивал себя, что же стало с Летисией Ламиньер, прекрасной девушкой по имени Лала.